

Социология

УДК 316

Р.Н. Абрамов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРАФФИТИ В РОССИИ 1990-х гг.: ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА¹

Граффити как уличное искусство, социальная практика и субкультурная активность тесно связаны с темами протеста, независимости и прямого политического действия. В рамках данной статьи проводится анализ эволюции и формы бытования политических граффити в России 1990-х гг. Эта работа является первой частью анализа политических граффити, и автор планирует довести этот анализ до настоящего времени. При проведении анализа автор опирается на доступные публикации, тематические интернет-ресурсы, а также на собственные воспоминания.

Ключевые слова: стрит-арт, граффити, политическое действие, идеология, переходный период.

Граффити как форма уличного искусства, форма социальной практики и субкультурной активности тесно связаны с темами протеста, независимости, прямого политического действия или даже девиации [12]. Источником этого протеста и политического высказывания может быть выход энергии у членов молодежных субкультур, реакция на стерилизацию городских пространств и подчинение их интересам доминирующих групп, или это эстетический протест против однообразной повседневности, серых стен и монотонных ритмов городской жизни. Противоречивый контекст российской политической жизни и очевидные напряжения между различными группами в городском пространстве усугубляют роль граффити как формы гражданского и политического действия. Однако до настоящего времени фокус отечественных исследований граффити и стрит-арта был обращен в основном к субкультурным и художественным аспектам этого движения, тогда как политическое значение граффити либо просто констатировалось, либо его анализ носил подчиненный характер по отношению к основным сюжетам.

В рамках данной статьи проводится анализ эволюции и формы бытования политических граффити в России 1990-х гг. Эта статья является первой частью анализа политических граффити, и автор планирует довести этот анализ до настоящего времени. При проведении анализа я опираюсь на доступные публикации, тематические интернет-ресурсы, а также на собственные воспоминания.

Трудности концептуализации политического граффити. Проведение анализа политических граффити обусловлено рядом трудностей методологического и теоретического характера. Прежде всего, этот анализ связан с необходимостью разграничения «политического» и «неполитического» в граффити-высказываниях. Если рассматривать граффити как элемент публичного дискурса, то здесь могут быть две позиции в определении того, что называть политическими граффити. С одной стороны, почти любые граффити можно интерпретировать как политические, если мы понимаем под публичной сферой всё пространство коммуникации, в том числе и городские стены, занятые под граффити. Напомним, что согласно идее А. Грамши политическая борьба переносится на область культуры и общественного пространства², где осуществляется производство значений, что способствует достижению гегемонии одной из конкурирующих сторон. В этом смысле граффити можно рассматривать как форму символического восстания против гегемонического порядка. С другой стороны, сферу политического можно ограничить рамками борьбы за доступ к власти [7. С. 10], осуществляемую по определенным правилам и разворачивающуюся в определенных институциональных пределах. При таком взгляде далеко не все граффити могут быть отнесены к политическим по жанру, поскольку далеко не все из них направлены на свержение или завоевание государственной власти. В своем анализе российских политических граффити я буду придерживаться компромиссной позиции: принимая во

¹ В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Граффити и стрит-арт в культурном пространстве мегаполиса», осуществляемого в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г., грант № 12-05-0002.

² Подробнее о концепции гегемонии см.: [5; 6].

внимание, что граффити можно трактовать как политическое высказывание, я все же сконцентрируюсь на том сегменте этой городской активности, который более тесно связан с политической сферой как способ борьбы и влияния на власть.

Другой трудностью анализа политического содержания граффити является необходимость вписывать его в соответствующий политический контекст, в результате чего возникает риск подмены анализа граффити собственно анализом политической и социальной ситуации. Одновременно исключение политического контекста из рассмотрения в значительной степени обесмысливает содержание анализа. Я буду обращаться к политическому контексту в той степени, в какой это целесообразно для прояснения причин роста активности и изменения тематики граффити.

Наконец, следующее затруднение в анализе политического граффити заключается в риске сведения функции этой формы активности к прямой политической пропаганде. Начиная с первых предвыборных кампаний 1990-х гг., граффити активно применялись как инструмент *public relations*. Практики применения такого рода граффити не ограничивались простым призывом поддержать того или иного кандидата в мэры или депутаты, но были более изощренными и, например, включали провокационные акции, когда по заказу одного из участников электоральной гонки нанятые райтеры делали оскорбительные граффити в адрес избирателей от имени соперника. Подобные политические технологии были широко распространены на региональных выборах различных уровней. В рамках моего анализа я не буду специально рассматривать эту форму граффити-активности, поскольку в большей степени она относится к сфере *public relations*.

Итак, я сосредоточусь на сегменте политических граффити с политическим высказыванием как способом борьбы и влияния за власть. Однако это не означает, что в поле моего внимания оказываются граффити с названиями политических движений и лидеров. Современное понятие политического распространяется на различные сферы общественной жизни и включает различные формы гражданской активности. Очевидно, что исключение из исследовательского поля зрения граффити-активности, возникающей в ситуациях межэтнического, территориального, ценностного, гражданского напряжения приводит к обеднению содержательного поля политических граффити. Анализ публикаций о граффити показывает, что исследователи концентрируют внимание на тех точках политической и гражданской активности, где граффити широко используются разными сторонами конфликтов или являются важным элементом политической коммуникации: это борьба с расовой сегрегацией в США в 1960-е гг.; латиноамериканские страны с их многолетней ситуацией политической нестабильности и социальных противоречий (Мексика, Аргентина, Гватемала, Никарагуа и т.д.) [16]; Ольстерский конфликт (его пик пришелся на конец 1960 – начало 1990-х гг.) [14; 15]; многолетний арабско-израильский конфликт в секторе Газа [13]; события мая 1968 г. в Париже и августа 1968 г. в Чехословакии; падение Берлинской стены и распад советской системы в странах «народной демократии»³. Ряд ситуаций и исторических событий, в которых граффити становятся инструментом политической борьбы можно продолжать, относя туда долгую «арабскую весну» 2011-2013 гг., затяжные гражданские войны в африканских странах, городские граффити-атаки европейских анархистов и антиглобалистов, а также бесконечную череду локальных напряжений классового и этнического характера.

Почти невозможно свести все контексты применения граффити в политических целях к общему знаменателю: это могут длительные, с отработанными техниками, сюжетами и правилами символические войны, как в случае Ольстера, а могут быть кратковременные вспышки творческой энергии молодых интеллектуалов, как в Латинском квартале парижского мая 1968 г.; это может быть выражение ненависти к совершенно конкретной группе «чужаков» и «врагов», как это обычно бывает в бесконечных межэтнических конфликтах, а может быть выражение идеологической позиции по отношению к всепроникающей, но очень абстрактной «глобальной системе неолиберального капитализма», как в сюрреалистических посланиях европейских наследников левого движения. Таким образом, в поле моего исследовательского интереса включаются как граффити с прямым указанием политических движений и их лидеров, так и те, которые связаны с гражданской активностью и являются способом оказать влияние на власть. Я вполне понимаю неполноту подобного подхода к классификации политических и неполитических граффити, однако в силу размытости границ между различными видами граффити вынужден принимать этот подход за базовый.

³ Граффити как элемент политического активизма в послевоенном социалистическом блоке рассматривается в статье М. Фулброк, преимущественно сфокусированной на гражданских практиках ГДР [11].

Если попытаться хотя бы на предварительном уровне обобщить объяснения того, почему граффити становятся востребованным инструментом политической борьбы, то таких объяснений не-сколь-ко:

- *media ga*» - медийный разрыв, возникающий, когда участники событий не удовлетворены интонацией и качеством освещения ситуации со стороны СМИ, поэтому обращаются к граффити как к прямому каналу работы с аудиторией. Например, в случае застарелых территориальных, межэтнических или религиозных конфликтов (Ольстер, сектор Газа и т.д.) все стороны недовольны оценкой ситуации в мировых медиа, а граффити рассматривают как средство преодоления *media gap*, тем более что в фото- и телерепортажах граффити нередко используются как элемент иллюстративного ряда;

- *режим информационной дискриминации* и цензура. Нередки ситуации, когда группы с определенными политическими интересами и идеологией не допускаются до массовых медиа и вынуждены искать альтернативные формы коммуникации. В демократических режимах это, например, радикальные группы с выраженными националистическими взглядами. В постсоветской России такой группой были члены НБП (Национал-большевистской партии) Э. Лимонова, вынужденные полагаться на сетевую организацию и прорыв информационной блокады посредством скандальных перфомансов и граффити. Также не овладевшие телецентром «Останкино» сторонники Белого дома в 1993 г. активно использовали московские стены для выражения своей политической позиции. Радикальные группировки (скинхеды, «антифа», анархисты и т.п.) полагают граффити важным инструментом пропаганды в условиях отсутствия доступа к массовым СМИ;

- *war walls* - радикальные субкультуры и политические группы рассматривают город как пространство городской герильи, в которой есть место атакам, обороне, занятию стратегических позиций и демонстрации превосходства. Граффити - видимая часть борьбы за присутствие в городском пространстве, поэтому столкновения между политическими группами нередко принимают формат войны на городских стенах. Городское население при этом рассматривается и как публика, к которой обращаются райтеры, и как статисты, которым остается неясным смысл граффити, доступный только для активистов. В российском контексте первые граффити-войны были распространены среди футбольных фанатов, а затем стали важной частью активности политических субкультурных движений «фа» и «антифа»;

- *коммеморация* - начиная с Ольстера и ряда стран Латинской Америки, прошедших через печальный опыт кровавых диктатур, граффити стали выполнять коммеморативную функцию, напоминая о ключевых событиях противостояний и конфликтов. Нередко граффити являются лишь одним из средств создания и поддержания «мест памяти», значимых для определенных субкультур и политических групп. «Стена Цоя» на Арбате представляет собой инсталляцию, в которой сочетаются элементы граффити, стрит-арта и городской скульптуры [10]. Самодельная инсталляция об октябрьских событиях в Москве 1993 г., устроенная недалеко от Белого дома, служит местом памяти для сторонников российского Верховного Совета: в первые годы существования этого коммеморативного пространства граффити были неотъемлемой его частью;

- *эмоциональный взрыв* – когда граффити становятся актом публичной сублимации на фоне острого и быстротечного политического конфликта. Обычно такие вспышки граффити-активности сопровождают массовые беспорядки, акции протеста, революции, как было в случае «арабской весны» и московских событий августа 1991 г.

Политические граффити 1990-х гг.: между перестройкой и осенью девяносто третьего.

Рождение современных политических граффити в стране относится к периоду перестройки, когда на волне гласности о себе заявили многочисленные субкультурные и политические группы и сообщества. Первые движения такого рода стали формироваться вокруг молодежных субкультур, экологических проблем и борьбы за сохранение исторического наследия [4]⁴. Тогда же городские улицы стали использоваться как площадки агитации и выражения протеста, потеснив официальную советскую пропаганду и наглядную агитацию.

Были ли граффити в доперестроечном СССР? Если говорить о неполитических граффити, то любительские фото и отдельные кадры из советских фильмов свидетельствуют о наличии неподцензурных граффити в Советском Союзе. Помимо бытовых надписей и надписей с использованием абс-

⁴ О разнообразии «неформальных» движений эпохи перестройки см. документальный фильм «Зачем вы здесь собираетесь?», реж.Л. Комаровский (Рижская киностудия, 1988 г.).

ценной лексики с конца 1970-х гг. на стенах стали появляться граффити, оставляемые первыми движениями футбольных фанатов, поклонниками зарубежной рок-музыки, представителями культурного андеграунда⁵. По некоторым свидетельствам [9]⁶, позже к ним присоединились брейк-дансеры. Что касается граффити политического содержания, то каждый случай появления надписей, которые могли бы трактоваться в политическом контексте, рассматривался как чрезвычайное происшествие, которое сразу попадало в поле внимания партийных органов и КГБ, сами граффити мгновенно уничтожались, а их авторы рисковали быть обвиненными в антисоветской пропаганде. Впрочем, почти в каждом областном центре существовали апокрифические истории со схожим сюжетом: на одном из памятников Ленину (варианты – Кирову, Калинин, Марксу, Энгельсу) или на стене обкома или райкома появлялись граффити политического содержания, которые сразу закрашивались или счищались, а на поиски их авторов бросались лучшие силы местных правоохранительных органов. Соответственно, факт появления подобных граффити воспринимался как чрезвычайное происшествие и промах местного партийного аппарата, проглядевшего «идеологическую диверсию».

Авторов граффити политической или гражданской тематики перестали преследовать по линии КГБ только при изменении общественно-политической ситуации в стране, что произошло во время перестройки. Наряду с выходом на сцену разнообразных молодежных субкультур стали появляться городские и региональные группы и движения, озабоченные политическими и гражданскими сюжетами. В Ленинграде, Горьком, Иркутске и др. городах возникают сообщества экологических активистов и борцов за сохранение исторического наследия. Эти группы не ограничиваются письменными обращениями к властям и публикациями в СМИ, но организуют и проводят уличные акции протеста с использованием лозунгов. В ряде республик СССР (в первую очередь, Литва, Латвия, Эстония) образуются массовые национальные движения, целью которых становится борьба за независимость от Советского Союза. В марте 1989 г. проходят выборы Съезда народных депутатов СССР, которые проводятся на альтернативной основе, а сама предвыборная кампания отдаленно напоминает те, что проходят в демократических странах. Тогда же в городах начинают появляться граффити, в которых присутствует гражданская и политическая тематика. К сожалению, социологи и антропологи в то время не уделяли внимания этим граффити, их отдельные изображения можно найти в репортажных фотографиях, телевизионных сюжетах и документальном кино. Следует отметить, что гражданские и политические активисты предпочитали расклеивать самодельные листовки и делать легко убираемые инсталляции с текстами и изображениями на листах ватмана вместо активного применения граффити.

Российская история политических граффити может быть реконструирована в контексте ключевых общественно-политических событий 1990-х. Ситуация 19-21 августа 1991 г., которую можно охарактеризовать как попытку государственного переворота со стороны ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению), спровоцировала в Москве и Санкт-Петербурге массовые митинги в защиту Президента СССР М.С. Горбачева и российского парламента, располагавшегося тогда в Белом доме, на подходах к которому возводились баррикады и формировались дружины защитников Белого дома. Многочисленные фото- и видеосвидетельства показывают, что граффити стали одним из средств протеста противников ГКЧП. Уникальность ситуации заключалась в том, что граффити-атакам подверглись здания, которые всегда имели статус сакральных в советское время и строго охранялись: комплекс ЦК на Старой площади, КГБ СССР на Лубянке, Белый дом и т.п. Чаще всего граффити представляли собой нанесенные кистью на стены и парапеты транспортных развязок в центре Москвы лозунги и короткие высказывания, иронически обыгрывающие имена участников ГКЧП и аббревиатуры советских специальных служб. Также было довольно много граффити с призывом поддержать Б. Ельцина. Сегодня эти граффити мы можем восстановить по репортажным снимкам тех событий: «Долой КГБ!», «Хунту долой!», «Долой КГБ – большевистское гестапо!», «Народ непобедим!», «Долой большевистскую хунту!», «КПСС под запрет. Большевицких путчистов под суд», «Страна богатая, хунта не последняя. Победа ли??». Народное обозначение участников ГКЧП как «хунты», а самой попытки захвата власти как «путча» стали популярными сразу после

⁵ Например, поклонники романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» оставляли надписи на стенах подъезда и дома, в котором якобы располагалась «нехорошая квартира».

⁶ В 1990 г. на латвийском телевидении вышло телеинтервью с одним из пионеров советского граффити - Крысом (см.: <http://figprall.ru/watch/intervyu-s-pervootkryvatelem-graffiti-v-sssr-krysom-1990-god-history-of-graffiti-on-latvian-tv-1990-262>).

начала этих событий и отсылали к знаниям советских людей о латиноамериканских странах с их богатым опытом военных переворотов.

Нужно сказать, что граффити были лишь одним из средств проявления гражданской активности в те дни: самодельные плакаты, транспаранты и флаги также использовались сторонниками Б. Ельцина. Эта вспышка граффити-активности началась в дни политической нестабильности 19-21 августа и продолжалась еще несколько дней после этих событий, когда эйфория от падения ГКЧП владела многими жителями Москвы. Тут нужно отметить, что в других городах РСФСР сопоставимых по силе акций протеста почти не отмечено, а тематика ГКЧП также не нашла своего отражения в граффити.

Следующим ярким политическим событием, оказавшим существенное влияние на тематику российских граффити, стало противостояние Президента РФ Б.Н. Ельцина и значительной части депутатов Верховного Совета РФ в сентябре-октябре 1993 г. К этому моменту произошел распад СССР, оставивший травматический след в сознании многих граждан России, параллельно в условиях затяжного экономического кризиса начались болезненные рыночные реформы. Эти и другие факторы привели к разочарованию значительной части населения в Б.Н. Ельцине и его действиях. Кроме того, обострились противоречия внутри команды победителей августа 1991 г., что привело к масштабному политическому кризису и вооруженному противостоянию сторонников первого российского президента и российского парламента в октябре 1993 г. В тот период граффити оказались оружием «защитников Белого дома», многие из которых были настроены националистически и просоветски. В условиях краткой, но довольно кровавой схватки в центре Москвы, апофеозом которой стал танковый обстрел здания российского парламента, выглядевший как масштабная стрит-арт акция, граффити в основном появлялись на Красной Пресне и окружающих улицах, какое-то время находившихся под контролем восставших сторонников Белого дома. В первые дни после окончания октябрьских событий 1993 г. распространились слухи о «расстрелах защитников российского парламента» у забора стадиона «Красная Пресня», что способствовало превращению этой стены и пространства вдоль Дружинниковской улицы в самодеятельный мемориальный комплекс «памяти павших защитников Верховного Совета России в сентябре-октябре 1993 г.»⁷. Началом этой инсталляции стали граффити, появившиеся на заборе стадиона, и сваленные в кучу остатки металлических ограждений. Тематически эти граффити выражали скорбь по погибшим в ходе вооруженного конфликта, ненависть к победившей стороне - сторонникам Б.Н. Ельцина и содержали националистические, антисемитские и просоветские призывы: *«Коммунисты - вперед!»*, *«Мы отомстим!!! Вспомним всех поименно, вспомним все как один это надо не мертвым, это надо живым!!!»*, *«ОМОН – фашист!»*, *«ОМОН – кровавая сука, посмотри на деяния рук своих!!!»*, *«СССР жив!»*, *«Здесь бы расстрелян Веревкин Роман 17 лет»*, *«Бейтар⁸ – национальная гвардия бандита Ельцина»*, *«Мы отомстим палачам русского народа»*, *«Ельцин, куда дел трупы?»*, *«Мама, прости. Меня убили за то, что я любил Родину!»*, *«Yankee get out to USSR»*, *«Весь белый дом как один флаг бело черно золотой мрамор дым-огонь»*, *«Мы отомстим палачам русского народа»*, *«Руцкой, Константинов - герои России»*, *«Россия для белых!»*⁹ и т.д.

Во время и после октябрьских событий вокруг Белого дома сторонники российского парламента ощущали себя в ситуации информационной дискриминации¹⁰, а поэтому граффити, самодельные листовки экстремистского содержания и малотиражные газеты, распространяемые активистами, стали средством прорыва медиаблокады со стороны электронных СМИ. Мемориальный комплекс защитников Верховного Совета и Стена памяти В. Цоя на Арбате являются долгожителями самодеятельной коммеморации в Москве и служат иллюстрацией противоречивости общественных настроений и идеологических сломов, происходивших в те годы в стране.

Политические группы выходят на граффити-сцену. В начале 1990-х гг. сложились основные политические течения со своими идеологиями и взглядом на советское прошлое и постсоветское настоящее. В этом виде они просуществовали до начала 2000-х гг., когда экономическая, политическая и социальная ситуации в стране поменялись, что вызвало к жизни новые формы политической и гражданской самоорганизации. На парламентском уровне основные политические коллизии 1990-х гг.

⁷ Именно так это пространство обозначено на интерактивной карте wikimapia.

⁸ Бейтар - одна из мифологем, распространяемых националистически ориентированными сторонниками Белого Дома в 1993 г., о якобы специальных вооруженных отрядах, участвовавших в октябрьских событиях и расстреливавших защитников Верховного Совета.

⁹ Ряд фотоизображений граффити того периода см.: <http://billy-red.livejournal.com/378028.html>

¹⁰ Это ощущение воплотилось в безуспешную попытку штурма Останкино сторонниками Верховного Совета.

разворачивались вокруг трех влиятельных партий, представленных в Государственной Думе РФ первых двух созывов¹¹: «Выбор России» (затем «Наш дом - Россия») - олицетворение «партии власти»; КПРФ как влиятельная сила сторонников просоветского и национально ориентированного пути развития страны; ЛДПР, начавшая с популистской националистической риторики за время своего существования многократно меняла позицию и идеологическую окраску.

Ретроспективно не так просто реконструировать практику использования граффити гражданскими и политическими движениями того времени - в архивах и самодеятельных музеях политической агитации преимущественно представлены листовки и плакаты, а вся граффити-активность оказалась почти незадокументированной. Поэтому в раскрытии этой страницы истории политических граффити я опираюсь на личные воспоминания, устные свидетельства участников событий¹² и многочисленные фотосвидетельства той эпохи. Из крупных политических партий ЛДПР с 1993 г. довольно активно использовала граффити как средство пропаганды - на заборах и стенах многих российских городов появились аббревиатуры названия партии. Впрочем, эта форма уличной агитации была для ЛДПР дополнительным средством повышения узнаваемости - личные экстравагантные заявления её лидера В.Ф. Жириновского по телевидению и распространение партийной прессы играли более существенную роль. Сторонники КПРФ время от времени прибегали к граффити, но до начала 2000-х гг., пока эта партия не озаботилась поиском сторонников среди молодежной аудитории, граффити-активность парламентских коммунистов была спорадической или её инициаторами становились низовые партийные ячейки. «Выбор России» (а затем и НДР), «Яблоко» и другие, менее известные парламентские партии практически не использовали граффити в своих политических кампаниях: их лидеры в той или иной степени имели доступ к федеральным телеканалам.

Иной была ситуация в непарламентском политическом секторе: как уже отмечалось, на фоне общественного раскола, апогеем которого стали октябрьские события 1993 г., появилось значительное число небольших партий и групп, придерживавшихся радикальных, а зачастую, и экстремистских взглядов. Вытесненные на обочину «большой» политической сцены и привлекающие исключительно скандальный интерес со стороны влиятельных медиа, эти группы и движения активно прибегали к сетевым формам агитации и демонстрации информационного присутствия, среди которых были и граффити. В 1990 г. Александром Баркашовым и его соратниками из общества «Память» основано «Русское национальное единство» (РНЕ) - военизированная организация с радикальными националистическими взглядами. Эмблемой РНЕ стала стилизованная свастика - «коловрат». «Баркашовцы» принимали участие в событиях октября 1993 г. на стороне Верховного Совета РФ, после чего лидер движения некоторое время находился под стражей. Для распространения своих идей, носивших откровенно фашистский характер, РНЕ использовала разнообразные возможности уличной агитации - расклеивались листовки и плакаты на остановках общественного транспорта, на заборах и бетонных путепроводах появлялись изображения коловрата и аббревиатуры РНЕ. После многих организационных реинкарнаций РНЕ в сильно маргинализованном виде существует и сегодня, по-прежнему прибегая к граффити, на которых указывается интернет-адрес Баркашова¹³.

В 1993 г. вернувшийся из многолетней эмиграции известный писатель и интеллектуал Э. Лимонов совместно с А. Дугиным организует НБП (Национал-большевистскую партию), в которой правые идеи радикального национализма соседствовали с крайне левыми лозунгами социальной справедливости и анархизма. Не касаясь сложной организационной и идеологической эволюции НБП, отметим лишь, что благодаря Э. Лимонову «нацболы» прибегали к разнообразным акциям прямого действия - от захватов государственных учреждений до забрасывания яйцами своих идеологических противников. На протяжении 1990-х гг. НБП удалось создать региональную сеть сторонников, через которую распространялись агитационные материалы - в первую очередь газета «Лимонка». В то время для федеральных печатных и электронных медиа фигура Э. Лимонова и деятельность самой партии были интересны как яркий информационный повод, но не в серьезном политическом контексте.

¹¹ Естественно, что были и другие политические движения и партии, представленные в ГД России того времени, но все они в той или иной степени тяготели к трем тяжеловесам парламентской политики – «Выбор России» (НДР), ЛДПР, КПРФ.

¹² Автор благодарит российского социолога и специалиста по политическим технологиям Фархада Ильясова, который поделился своими воспоминаниями о политических граффити, наблюдаемых им на московских улицах 1993-1996 гг.

¹³ См., напр.: <http://newsfactsanalysis.wordpress.com/2012/05/27/граффити-рне-в-пригороде-москвы/>

Обращаясь к опыту европейских радикальных политических группировок, НБП использовала граффити для повышения узнаваемости своего «бренда» - на железнодорожных подъездах к Москве можно было нередко видеть изображение серпа и молота и аббревиатуру НБП. Новая волна граффити-активности «нацболов» пришла во второй половине 2000-х гг., когда Э. Лимонову удалось добиться статуса одного из лидеров российской оппозиции.

«Жириновцы», «баркашовцы», «лимоновцы», «анпиловцы» были основными группами, использовавшими граффити как средство политической борьбы в 1990-х гг. Граффити работали не только на преодоление «информационной дискриминации», но и подчеркивали «*антисистемный*» характер части этих политических объединений, не желавших, чтобы их ассоциировали с «*буржуазными*», «*продажными*» медиа той эпохи. Принимая во внимание, что субкультурное граффити-движение в стране находилось в стадии зарождения¹⁴, скупые одноцветные аббревиатуры РНЕ, ЛДПР, НБП были хорошо заметны на серых поверхностях бетонных промзоновских заборов.

Граффити как отражение травмы переходного периода. Тематика политических граффити того периода не ограничивалась символикой и названиями политических партий и движений: неизвестные райтеры активно выражали своё отношение к политическим лидерам своего времени, текущей общественной ситуации и истории страны. Со второй половины 1990-х гг. растёт интерес социологов, политологов, антропологов и фольклористов к городской политической культуре, частью которой являются граффити. Тогда же были сделаны первые публикации по данной теме¹⁵, что позволяет дать содержательную характеристику граффити-активности той эпохи. О.А. Бочаров и Я.М. Шукин отмечают, что содержание граффити середины 1990-х гг. отражает трансформации общественного сознания, которые были названы деполитизацией основной массы населения, озабоченного вопросами выживания и недовольного ходом экономических реформ: «переход от массовой вовлеченности в политику к массовому разочарованию и равнодушию к ней при одновременном образовании оппозиционного движения коммунистически-националистического идеологического спектра и групп со специализированными политическими интересами» [3].

Концепция культурной травмы Дж. Александера может послужить релевантной интерпретационной рамкой содержания российских политических граффити 1990-х гг. Конечно, трагические события октября 1993 г. не были завершающим аккордом протестной активности и политической борьбы, однако произошла относительная локализация этих конфликтов в территориальном и социальном измерении, а они сами чаще касались не парадигмальных вопросов выбора пути развития страны, но проблем выживания и трудовых отношений - невыплат заработной платы, конфликтов с владельцами и менеджерами частных предприятий и т.п. Между тем видимый рост общественной апатии и озабоченность преодолением трудностей непростой пореформенной повседневности не означали преодоления культурной травмы, тем более что её образование не окончилось вместе с первыми тремя годами девяностых.

Иллюзии российского населения относительно возможности безболезненного перехода к демократии и рынку быстро развеялись в результате распада СССР, роста политической нестабильности и глубокого экономического кризиса, охватившего страну. Крушение надежд на быстрые позитивные изменения привело к затяжному кризису людей, выросших в относительно стабильные годы позднего Советского Союза. Наступил серьезный кризис идентичностей бывших советских людей, ставший результатом двойной исторической травмы: от почти мгновенного исчезновения старого жизненного порядка и от разочарования в демократических лозунгах завершающего периода перестройки. Результатом этого стала ноющая социальная боль от непонимания того, «кто они, откуда они и куда хотят идти» [1. С. 275]. Переживание травмы связано с процессом определения раны, нанесенной коллективному сознанию, установления жертв и возложения ответственности, что приводит к стадии

¹⁴ Например, в документальном фильме о московской хип-хоп сцене молодые московские райтеры конца 1990-х гг. жаловались на дороговизну баллончиков с краской и трудности приобретения качественной краски (см. док. фильм «Hip Hop Heroes – Underground Kings», реж. Jean-Paul van Kouwen, Нидерланды, 2000).

¹⁵ Ключевыми источниками здесь являются, во-первых, статья екатеринбургского исследователя В.Н. Руденко, где, к сожалению, основное место уделено описанию полевых наблюдений автора за протестными граффити в европейских странах, во-вторых, исследование московских политических граффити О.А. Бочаровой и Я.М. Шукина и, наконец, более поздний текст Е.В. Баженовой, М.Л. Лурье и К.Э. Шумова, посвященный типологическому анализу городских граффити (см.: [8; 3; 2]).

«успокоения» - аффективные действия и переживания становятся менее бурными, а дискурс травмы переходит к состоянию объективации исторической памяти [1. С. 298].

Политические граффити того времени отражали характер общественных настроений и мировоззренческого разлома, произошедшего в сознании жителей пореформенной России. После событий 1993 г. и на фоне болезненных экономических реформ поддержка Б.Н. Ельцина и реформаторов резко снизилась¹⁶, и именно их стали обвинять в трудностях переходного периода. Соответственно, граффити откликнулись на эти тенденции. В первую очередь они отражали жесткое противостояние сторонников возвращения к советскому типу общества и тех, кто поддерживал курс реформ. Сторонники советского относительно слабо присутствовали на страницах ведущих СМИ и национальных телеканалов, и ситуация «медиа дискриминации» привела к тому, что они стали использовать стены как пространство политического высказывания. Тогда можно было найти много граффити с аббревиатурами «СССР», «КПСС» и граффити, где использовалась советская символика – красная звезда, серп и молот, герб СССР. Причем содержание сопутствующих высказываний было вполне просоветским и даже содержало элементы покаяния: «*Слава Октябрю!*»¹⁷, «*Коммунисты простите нас дураков*» и т.п.

Другим выражением травматического разлома стали граффити, в которых выражалась ярость и ненависть по отношению к лидерам реформ и политикам, которых относили к «демократам». Пейоративная лексика, негативная номинация и издевательские обыгрывания имен и фамилий российских лидеров и «демократов» характеризуют надписи на стенах Москвы и других городов: «*Ельцин сволочь*», «*Эльциноиды убийцы*», «*Банду Лужкова — под суд*», «*Ельцин пьяная свинья*», «*Ельцин кровотийца*», «*Обещал с похмелья Боря лечь на рельсы...*» и т.п. [3]. Нередко содержание граффити отсылало к теориям заговора против России со стороны «американского империализма» или имели откровенно антисемитский характер: «*Клинтон урод*», «*Скажи-ка дядя, ведь не даром, Москва, спаленная пожаром, Евреям отдана*» [3]. Означающее «демократия» в массовом сознании стало прочно ассоциироваться с экономической и политической ситуацией 1990-х гг., а поэтому также превратилось из позитивно окрашенного понятия ранней перестройки в термин, который авторы граффити наделяли самыми нелестными характеристиками: «*Демократия — разгул спекуляции*», «*Демократия — преступность повсюду*», «*Долой кровавую хунту демков*» [3]. Исключая активность сторонников РНЕ, националистические граффити еще не использовали субкультурную эстетику европейских «скинов», а выражали спонтанные негативные эмоции в адрес «чужаков»: «кавказцев», «армян», «евреев» и т.п.

Начиная с предвыборной думской кампании 1993 г., граффити всё в большей мере входили в арсенал политических технологий и PR не только на федеральных выборах, но и во время локальных политических кампаний. Острота политической конкуренции и низкая культура политической борьбы вели к тому, что граффити «*Голосуй за нашего кандидата Имярек!*» или «*Имярек - против народа!*» можно было найти всюду. На президентских выборах 1996 г. штаб Б.Н. Ельцина в Санкт-Петербурге использовал агитационные панно, сделанные в стиле граффити («*Голосуй, а то проиграешь!*», «*Борис! Борись!*»), которые развешивались на строительных ограждениях в центре города [2]. Мой опыт общения с политическими консультантами периода 1998–2003 гг. показывает, что на региональных выборах, наряду с распространением листовок и газет с «*черным пиаром*» против конкурентов, использовались агитационные граффити, направленные в поддержку «своего» кандидата или против «чужого». Для создания таких граффити нанимались старшие школьники или учащиеся колледжей.

Заключение. Подводя итог периоду политической граффити-активности 1990-х гг., можно выделить некоторые особенности бытования политических граффити. Прежде всего российская граффити-сцена была в самом начале своего развития в силу материальных причин и недостатка информации. Райтеры проявляли свою активность только в некоторых точках крупных городов (Москва, Санкт-Петербург и т.п.). На этом фоне брутальные, без претензий на художественность политические граффити заметны и отражают травматичность переживаемого времени: это жесткие с использованием ненормативной лексики лаконичные высказывания, нередко вдохновленные ненавистью к своим политическим оппонентам, из-за чего их переполняет пейоративная лексика. Ирония и абсурд почти не

¹⁶ Напряженная предвыборная борьба в электоральный период 1996 г. была признаком раскола российского общества.

¹⁷ До распада СССР этот лозунг был неотъемлемой частью набившей оскомину советской наглядной агитации и пропаганды. В новых условиях это клише ожило в виде прокоммунистических граффити.

присутствуют в тех граффити. Можно сказать, что граффити того периода – это отражение идеологических противоречий, разочарования и злобы, которая охватила значительную часть населения. Также нужно отметить, что власти не очень активно закрашивали политические граффити того времени: было не до этого, да и во многих «красных регионах» граффити, направленные против курса рыночных реформ, грели сердца губернаторов - выходцев из поздней советской номенклатуры. Граффити оставались на месте по несколько лет, даже когда утрачивали свою актуальность. Одновременно граффити-активность некоторых политических партий и движений (ЛДПР, НБП, РНЕ) предвосхитила граффити-войны середины 2000-х гг., которые велись между сторонниками радикальных субкультур «фа» и «антифа». Но это уже новый этап истории российских политических граффити.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Практикс, 2013.
2. Бажкова Е.В., Лурье М.Л., Шумов К.Э. Городские граффити // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 430-449.
3. Бочарова О.А., Щукин Я.М. Политические граффити Москвы // Вестник Евразии. 1996. № 1. С. 18-32.
4. Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному / под ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 71-304.
5. Грамши А. Тюремные тетради: в 3 ч. / пер. с итал. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1.
6. Грецкий М.Н. Антонио Грамши и его Тюремные тетради // Грамши А. Тюремные тетради: в 3 ч. / пер. с итал. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. С. 5-22.
7. Кола Д. Политическая социология. М.: Весь Мир; Инфра-М, 2001.
8. Руденко В.Н. Политическое граффити // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 50-55.
9. Целуйко А. Русское уличное искусство. URL: <http://www.objectsbook.ru/scient/20052007/>
10. Bushnell J. Organizing a Counter-culture with Graffiti: The Tsoi Wall and its Antecedents // Communicating Design. Essays in Visual Communication. ed. by T.Triggs. London: Batsford Ltd, 1992. P. 55-59.
11. Fulbrook M. Popular Discontent and Political Activism in the GDR // Contemporary European History. Vol. 2, No. 3 (Nov., 1993). P. 265-282.
12. Lachmann R. Graffiti as Career and Ideology // American Journal of Sociology. Vol. 94, No. 2 (Sep., 1988). P. 229-250.
13. Peteet J. The Writing on the Walls: The Graffiti of the Intifada // Cultural Anthropology. Vol. 11, No. 2 (May, 1996). P. 139-159.
14. Santino J. Public Protest and Popular Style: Resistance from the Right in Northern Ireland and South Boston // American Anthropologist, New Series. Vol. 101, No. 3 (Sep., 1999). P. 515-528.
15. Sluka J. The Politics of Painting: Political Murals in Northern Ireland. In The Paths to Domination, Resistance and Terror / ed. by C. Nordstrom and J. Martin. Berkeley: University of California Press, 1992. P. 190-216.
16. Steinberg M., Taylor M.J. Public Memory and Political Power in Guatemala's Postconflict Landscape Source // Geographical Review. Vol. 93, No. 4 (Oct., 2003). P. 449-468.

Поступила в редакцию 11.11.13

R.N. Abramov

Political graffiti in Russia in 1990s: the experience of retrospective analysis

Graffiti as a street art, a social practice and a subcultural activity are closely connected to the themes of protest, independence and direct political action. Within the frame of this article, the analysis of evolution and forms of political graffiti in Russia in 1990s is performed. The present work is the first part of the analysis of political graffiti. The author plans to continue the analysis to the modern political graffiti art. The basis of the analysis includes available publications, subject Internet resources, and the author's reminiscences.

Keywords: street-art, graffiti, political action, ideology, period of political transformation.

Абрамов Роман Николаевич,
кандидат социологических наук, доцент
Национальный исследовательский университет–
Высшая школа экономики (НИУ-ВШЭ)
101990, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: roman_na@mail.ru

Abramov R.N.,
candidate of sociology, associate professor
National Research University –
Higher School of Economics
101990, Russia, Moscow, Myasnitckaya st., 20
E-mail: roman_na@mail.ru